

ДЖ. СТ. МИЛЬ.

РАЗМЫШЛЕНИЯ

о

ПРЕДСТАВИТЕЛЬНОМЪ ПРАВЛЕНИИ.

Издание Яковлева.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

Въ типографія Юлія Андреевича Бокрама,
по Большой Московской, № 4.

—
1863.

Печатать разрешается С.-Петербургъ 13 Іюля 1863 года.

ПРЕДИСЛОВІЕ АВТОРА къ 1-му изданію.

Тотъ кто удостоилъ прочесть мои прежнія сочиненія, вѣроятно не найдетъ ничего особенно новаго въ настоящемъ трудѣ; его начала тѣже, для которыхъ я работалъ въ продолженіи большей части моей жизни, а практическія приложенія были еще прежде указаны или мною или другими. Новое заключается въ томъ, что всѣ онѣ собраны вмѣстѣ, представлены въ связи и можетъ быть въ томъ еще, что приведено много въ ихъ подтвержденіе. Во всякомъ случаѣ многія изъ моихъ мнѣній, если онѣ и не новы, встрѣтятъ теперь стольже мало общаго сочувствія, какъ если бы онѣ были новыми.

Какъ бы то ни было, судя по разнымъ указаніямъ, въ особенности по послѣднимъ преніямъ о парламентской реформѣ, мнѣ кажется, что и консерваторы и либералы (если называть ихъ тѣмъ именемъ, какимъ они сами продолжаютъ называть себя) потеряли вѣру въ то политическое ученіе, которое они номинально исповѣдуютъ, а между тѣмъ ни та, ни другая сторона не сдѣлала ни одного шага впередъ къ отысканію чего либо лучшаго. А лучшая доктрина должна быть возможна; но она не должна быть простою сдѣлкою, примиряющей разногласія той и другой стороны, но что-нибудь болѣе обширное, что въ силу его большей объемлемости могло бы быть принято и консерваторомъ и либераломъ, не заставляя ихъ отрекаться отъ того, что въ ихъ собственномъ ученіи имъ кажется дѣйствительно достойнымъ уваженія. Когда столь многіе смутно чувствуютъ недостатокъ такой доктрины и лишь немногіе могутъ похвалиться что нашли ее, каждый можетъ смѣло предлагать все, что по его мнѣнію можетъ способствовать къ образованію этой доктрины.

ПРЕДИСЛОВІЕ АВТОРА

ко 2-му изданію

Единственная перемѣна въ этомъ изданіи, которая касается не измѣненія только словъ (исключая примѣчанія къ XIV главѣ) состоитъ въ нѣсколькихъ страницахъ прибавленныхъ къ VII главѣ, для разъясненія нѣкоторыхъ возражений сдѣланыхъ противъ защищаемаго въ ней плана представительства меньшинства.

РАЗМЫШЛЕНИЯ

о

ПРЕДСТАВИТЕЛЬНОМЪ ПРАВЛЕНИИ.

ГЛАВА I.

Въ какой мѣрѣ правительственныея формы могутъ быть предметомъ выбора.

Всѣ размышленія о формахъ правленія носятъ на себѣ болѣе или менѣе исключительный отпечатокъ двухъ противоположныхъ теорій политического устройства, или лучше сказать двухъ противоположныхъ представлений о томъ, что такое политическія учрежденія.

Нѣкоторые понимаютъ правленіе чисто практическіи, какъ искусство, не поднимающее никакихъ вопросовъ, кроме вопросовъ о цѣли и средствахъ. Правительственныея формы являются средствомъ, какъ всякое другое, для достиженія человѣческихъ цѣлей; на нихъ смотрятъ, какъ на дѣло человѣческой изобрѣтательности. Такъ какъ они созданы человѣкомъ, то и предполагается, что человѣку предоставленъ выборъ создавать ихъ или нѣть, и какъ, на какой образецъ ихъ создавать. При такомъ взглядѣ

правлениe есть задача, которая решается какъ всякое другое житейское дѣло. Прежде всего слѣдуетъ опредѣлить цѣли, къ которымъ должны стремиться правительства; потомъ разсмотрѣть, какая правительственная форма всего способнѣе осуществить эти цѣли. Когда мы пришли къ вѣрнымъ заключеніямъ относительно этихъ двухъ пунктовъ и нашли форму правления, соединяющую самую большую долю добра съ самой малой долей зла, тогда остается склонить своихъ согражданъ, или тѣхъ, для кого тѣ учрежденія назначены, къ сочувству мнѣнію, до котораго мы дошли своимъ путемъ. Найти лучшую форму правления, увѣрить другихъ, что она дѣйствительно лучшая и потомъ побудить ихъ къ ея осуществленію—вотъ порядокъ идей въ умахъ тѣхъ, кто держится этого взгляда въ политической философіи. На конституцію они смотрятъ такъ, какъ смотрѣли бы на паровой плугъ или молотильную машину,—вся разница въ степени интереса.

Имъ противоположенъ другой родъ политическихъ мыслителей, которые до того далеки отъ сопоставленія формы правления съ машиной, что на первую они смотрятъ какъ на естественный продуктъ, а на правительственную науку какъ на отрасль естествознанія. По ихъ мнѣнію правительственные формы не могутъ быть предметомъ выбора. Такъ или иначе мы должны брать ихъ, какими находимъ. Правительства не могутъ быть построены по предвзятыму плану; онъ «не дѣлаются, но растутъ». Наше дѣло по отношению къ нимъ, какъ ко всѣмъ фактамъ естественнаго міра, состоитъ въ томъ, чтобы познакомиться съ ихъ природными свойствами и приспособиться къ нимъ. На основыя политическія учрежденія народа эта школа смотрѣть какъ на органическій плодъ природы и жизни та-

кого-то народа, какъ на продуктъ ихъ обычаевъ, инстинктовъ, безсознательныхъ потребностей и желаній, всего менѣе ихъ сознательныхъ стремленій. Воля здѣсь на столько принимаетъ участіе, на сколько она удовлетворяетъ нуждамъ минуты средствами минуты; если онѣ бываютъ согласны съ чувствами и характеромъ народа, то держатся прочно и такимъ образомъ, путемъ постепенной агрегаціи, создается политическая система, совершенно приспособленная къ народу, обладающему ею, но которую было-бы бесполезно навязывать націи, гдѣ природа и обстоятельства не выработали ее сами собою.

Трудно решить какое изъ двухъ ученій было-бы неудѣлье, если предположить что кто нибудь захотѣлъ держаться исключительно той или другой теоріи. Но начала, которыя люди проповѣдуютъ по поводу какого-либо спорного предмета, бываютъ обыкновенно весьма неполнымъ выражениемъ ихъ настоящихъ убѣжденій. Никто не вѣритъ, что всякий народъ способенъ создать всякаго рода учрежденіе. Какъ далеко не проводить аналогіи механическихъ производствъ, но даже и здѣсь выборъ между деревяннымъ или желѣзнымъ инструментомъ опредѣляется не тѣмъ только, что такой-то инструментъ самъ по себѣ лучше; приимкается во вниманіе, соединяетъ ли онъ въ себѣ другія качества, необходимыя для его выгоднаго употребленія, и въ особенности имѣютъ-ли тѣ люди, которые станутъ употреблять его въ дѣло, достаточно знанія и умѣнія обходиться съ нимъ. Съ другой стороны тѣ, которые говорятъ объ учрежденіяхъ, какъ своего рода живыхъ организмахъ, вовсе не такие политические фаталисты, за какихъ они выдаютъ себя. Они не предполагаютъ, чтобъ у человѣчества не было никакого выбора относи-

тельно формы правлениія, при которой ему приходится жить, чтобы разсмотрѣніе послѣдствій, вытекающихъ изъ различныхъ формъ правления, не участвовало въ выборѣ. Не смотря на то, что каждая изъ двухъ сторонъ доводитъ свою теорію до крайностей изъ противорѣчія другой, не смотря на то, что никто не держится той или другой безъ ограниченія, обѣ доктрины соотвѣтствуютъ коренному различію двухъ направленій мысли; и хотя очевидно, что ни одна изъ нихъ не права совершенно,—равно очевидно что ни одна не находится въ полномъ заблужденіи, и мы постараемся вникнуть въ то, что лежитъ въ основавіи каждой изъ нихъ, чтобы воспользоваться тою долей истины, какая существуетъ въ ней.

Вспомнимъ прежде всего, что политическія учрежденія (какъ не забываетъ по временамъ эта истина), дѣло людей и должны своимъ происхожденіемъ и существованіемъ человѣческому произволу. Люди, проснувшись въ одно прекрасное утро, не нашли ихъ внезапно выросшими. Они не походятъ и на деревья, которыя, разъ посаженные, «всегда ростутъ» между тѣмъ какъ люди «спятъ». Ихъ создаетъ такими, какими онѣ есть, во всякую пору ихъ существованія, свободная воля человѣка. Поэтому, какъ все, что дѣлаютъ люди, и онѣ могутъ быть хорошо или дурно созданы; разсудокъ и искусство могли быть употреблены на созданіе ихъ, или вовсе не употреблены. Наконецъ, если народъ не успѣлъ, или вслѣдствіе внѣшняго давленія, не имѣлъ возможности создать себѣ конституцію постепеннымъ процессомъ исправленія всякаго зла, по мѣрѣ того, какъ оно проявлялось, или по мѣрѣ того, какъ угнетенные набирались силы противодѣйствовать ему, такое замедленіе политического прогресса было безъ сомнѣнія болѣшимъ для него

несчастіемъ; но это еще не доказываетъ, чтобы то, что оказалось хорошимъ для другихъ, не было хорошо и для него, и не будетъ хорошо, когда онъ найдетъ нужнымъ къ нему обратиться.

Съ другой стороны слѣдуетъ также помнить, что политический механизмъ не дѣйствуетъ самъ собою. Онъ какъ дѣлается людьми, такъ и работаетъ при помощи людей и даже очень обыкновенныхъ. Онъ требуетъ не только простаго допущенія, но дѣятельного содѣйствія, и долженъ быть приспособленъ къ способностямъ и качествамъ людей, въ данную минуту. Это предполагаетъ три условія: народъ, для котораго форма правленія предназначена, долженъ желать принять ее, и если не желать, то по крайней мѣрѣ не оказывать непреодолимыхъ препятствій ея установлению. Онъ долженъ имѣть охоту и способность дѣлать все нужное для ея поддержанія. Онъ долженъ имѣть охоту и способность дѣлать все, что потребуется отъ него, чтобы дать ей возможность достигнуть своего назначенія. Слово «дѣлать» должно быть понято такъ, что въ немъ содержится какъ самое дѣло, такъ и воздержаніе отъ него. Народъ долженъ быть способенъ выполнить условія дѣятельности и условія воздержанія, равно необходимыя какъ для того, чтобы поддержать существующую политическую систему, такъ и для того, чтобы сдѣлать ее способной достичь своихъ цѣлей, такъ какъ способность достиженія составляетъ ея силу.

Недостатокъ какого-нибудь изъ этихъ условій дѣлаетъ форму правленія, какія бы благопріятныя надежды она не подавала, въ частномъ случаѣ совершенно не приложимою.

Первое препятствіе, отвращеніе народа отъ какой-ни-

будь формы правленія, не требуетъ особыхъ объясненій, потому что даже въ теоріи его никогда нельзя было обойти. Случаи встречаются постоянно. Только чужая сила могла побудить племя съверо-американскихъ Индейцевъ подчиниться стѣснительнымъ условіямъ правильной цивилизованной правительственной системы. Тоже самое можно-бы сказать, хотя не такъ рѣшительно, о варврахъ нашедшихъ на Римскую имперію. Потребны были цѣлые столѣтія и совершенная перемѣна обстоятельствъ, чтобы привести ихъ въ правильное повиновеніе даже ихъ собственнымъ вождямъ, въ то время, когда они не были подъ ихъ знаменами. Есть націи, которые не охотно подчиняются какому-нибудь правительству, кроме правленія нѣкоторыхъ фамилій, съ незапамятныхъ временъ пользующихся привилегій поставлять имъ начальниковъ. Другіе народы только иностранное завоеваніе можетъ принудить жить подъ монархическимъ началомъ; пные же—равно противятся республикѣ. Иногда препятствія состоять въ непримѣнности системы въ извѣстное время.

Но бываютъ и *другіе* случаи, когда народъ, и не противящійся извѣстной формѣ правленія, и даже желавшій ее, можетъ не хотѣть, или не быть способнымъ выполнить ея условія. Онъ можетъ быть неспособнымъ выполнить даже такія условія, которыя необходимы для одного номинального существованія правленія. Такъ, народъ можетъ предпочитать свободное правленіе, но если вслѣдствіе безпечности, беззаботности, трусости или недостатка гражданскаго духа онъ не способенъ къ усиліямъ, необходимымъ для его сохраненія; если онъ не станетъ бороться за него, когда на него прямо нападаютъ; если его можно обмануть хитростями, направленными къ тому,

чтобъ лишить его этого правленія, или, если вслѣдствіе минутнаго упадка духа, внезапнаго страха, или припадка энтузіазма къ какому-нибудь лицу, онъ можетъ быть побужденъ сложить свою свободу къ ногамъ хотя бы и великаго человѣка, или ввѣрить ему полную власть, которая-бы дала ему возможность ниспрровергнуть его учрежденія;—во всѣхъ этихъ случаяхъ народъ болѣе или менѣе неспособенъ къ свободѣ; и хотя на короткое время она могла-бы послужить ему на пользу, невѣроятно однакожъ чтобъ онъ могъ долго пользоваться ею.

Съ другой стороны народъ можетъ не желать и быть неспособнымъ выполнить тѣ обязанности, которыя налагаетъ на него известная форма правленія. Грубый народъ, хотя до нѣкоторой степени воспріимчивый къ преимуществамъ цивилизованнаго общества, можетъ быть неспособнымъ къ воздержности, которую оно требуетъ; его страсти могутъ быть слишкомъ необузданны, его личная гордость слишкомъ взыскательна, чтобы избѣгнуть частныхъ столкновеній и предоставить законамъ наказаніе его дѣйствительныхъ или воображаемыхъ проступковъ. Въ подобномъ случаѣ цивилизованное правленіе, чтобы оно могло приносить ему дѣйствительную пользу, должно быть въ значительной мѣрѣ деспотическимъ; такимъ, надъ которыми народъ не имѣлъ-бы контроля и которое въ значительной мѣрѣ стѣсняло-бы его дѣйствія.

Далѣе, долженъ считаться неспособнымъ къ какой-либо другой свободѣ, кроме ограниченной, всякий народъ, который въ преслѣдований преступниковъ не содѣйствуетъ по собственной волѣ закону и общественнымъ властямъ. Народъ, который болѣе склоненъ скрыть преступника, чѣмъ схватить его, который, подобно Индусу, скорѣе готовъ дать ложное

свидѣтельство, чтобы спасти человѣка, его ограбившаго, чѣмъ показать на него и тѣмъ причинить себѣ беспокойство, возбудивъ его мщеніе; народъ, гдѣ, какъ у многихъ европейскихъ націй до настоящаго времени, когда кто-нибудь убьетъ другаго на улицѣ—зрители сторонятся, потому что это подлежитъ вѣденію полиціи, и что лучше не мѣшаться въ чужія дѣла; народъ, который негодуетъ на казнь, но спокойно смотритъ на убийство:—такой народъ требуетъ общественныхъ властей съ болѣе обширнымъ правомъ кары, потому что имъ только могутъ быть гарантированы самыя необходимыя требования цивилизованной жизни. Такое жалкое состояніе общественного чувства у какого-либо народа, вышедшаго изъ состоянія дикости, обыкновенно бываетъ несомнѣннымъ слѣдствиемъ предшествовавшаго дурнаго правленія, которое пріучило людей смотрѣть на законъ, какъ на созданный для какихъ-то другихъ цѣлей, чѣмъ для цѣлей блага, а на его служителей, какъ на болѣе опасныхъ враговъ, чѣмъ открыто нарушающихъ его. Какъ не мало заслуживаютъ порицанія выросшія въ такихъ привычкахъ чувства, хотя такія привычки и устраниются подъ конецъ хорошимъ правленіемъ, но пока онѣ существуютъ въ народѣ, онъ не можетъ управляться съ такимъ малымъ вмѣшательствомъ власти, какъ народъ, котораго симпатія стоитъ на сторонѣ закона и который готовъ дѣятельно содѣйствовать его приложению.

Наконецъ основные законы представительства могутъ иногда имѣть очень мало значенія, могутъ быть простымъ орудіемъ тираніи или козней, когда большинство избирателей не достаточно заинтересовано въ ихъ собственномъ правленіи, чтобы подавать голосъ; или, если и подаетъ, но когда этотъ голосъ не служить обществу, а продается за

деньги, или послушенъ мановенію какого-нибудь лица, власть надъ ними имѣющаго, или котораго они хотятъ поддержать изъ личныхъ интересовъ. Такого рода народное представительство, вмѣсто того, чтобы быть ручательствомъ противъ дурнаго правленія, бываетъ только пружиной въ его механизмѣ.—Помимо такого рода нравственныхъ сомнѣй часто механическія трудности полагаютъ непреодолимыя препятствія установлению правительстvenныхъ формъ. Хотя въ древнемъ мірѣ могла существовать и дѣйствительно существовала большая личная независимость, но въ немъ не было ничего похожаго на правильное народное правленіе, чтобы переходило границы одной городской общины, потому что физическія условія, необходимыя для склада и распространенія общественнаго мнѣнія, встречались только у тѣхъ, которые могли быть собраны на одной агорѣ для разсужденія объ общественныхъ дѣлахъ. Вообще думаютъ, что это препятствіе уничтожается принятіемъ представительной системы. Но чтобы совершенно побѣдить его, необходима пресса и именно, газетная пресса, единственная, если и не во всѣхъ отношеніяхъ соответствующая, замѣна пікса и форума. Существовали такія общественные условія, при которыхъ даже монархія нѣсколько обширнаго объема не могла держаться, но неминуемо распадалась на мелкія владѣнія, совершенно независимыя другъ отъ друга, или соединенные между собою слабою связью феодальныхъ отношеній; это потому, что механизмъ власти не былъ достаточно совершенъ, чтобы приводить въ исполненіе приказы на большемъ расстоянія отъ повелѣвающаго лица. Даже повиновеніе арміи этому лицу зависитъ главнымъ образомъ отъ произвольной вѣрности, и не было средствъ заставить народъ платить сумму податей, достаточную на

содержаніе войска, какое необходимо для того, чтобы держать въ покорности обширную область. Въ такихъ и подобныхъ случаяхъ само собою разумѣется, что сумма препятствій можетъ быть сплошнѣе или слабѣе. Она можетъ быть такъ велика, что вслѣдствіе этого правительственная система дурно дѣйствуетъ, что еще не исключаетъ ея возможности, ни ея предпочтительности всякой другой, въ данномъ случаѣ. Послѣдній вопросъ связанъ главнымъ образомъ съ однимъ условіемъ, къ разсмотрѣнію котораго мы еще не пришли: съ вопросомъ о способности различныхъ формъ правленія содѣйствовать прогрессу.

Мы разсмотрѣли теперь три основныя условія соотвѣтственности между правительственными формами и народомъ, который долженъ ими управляться. Если приверженцы этой теоріи, которую можно назвать натуралистическою, ничего другого не имѣютъ въ виду, какъ только указать на необходимость этихъ трехъ условій; если они думаютъ, что никакое правленіе не можетъ долго существовать, если только не выполнены первое и второе условіе и въ значительной мѣрѣ и третє,—въ такихъ границахъ ихъ теорія не допускаетъ возраженій. Если же они предполагаютъ чтонибудь другое, *большее*, то теорія ихъ кажется мнѣ несостоятельною. Все, что намъ говорятъ о необходимости исторической основы государственныхъ учрежденій, объ ихъ необходимой сообразности съ народными нравами, народнымъ характеромъ и т. п. означаетъ или это, или ничего не означаетъ. Въ такихъ и тому подобныхъ фразахъ лежитъ большая доля сентиментальности, если онѣ должны означать чтонибудь другое и болѣе широкое, кромѣ разумнаго лежащаго въ нихъ смысла. Съ точки зренія практической, указанныя требованія отъ политическихъ

учреждений только облегчаютъ осуществленіе трехъ условій. Если постановленіе, или родъ постановленій встрѣтить путь приготовленный для него въ мнѣніяхъ, вкусахъ и обычаяхъ народа,—послѣдній не только легче побуждается къ принятію ихъ, но и скорѣе научится имъ, и съ самаго начала будетъ болѣе расположенъ дѣлать, что потребуется отъ него, какъ для сохраненія учреждений, такъ и для такого приведенія ихъ въ дѣйствіе, какое сдѣлаетъ ихъ способными произвестіи лучшіе результаты. Было бы большой ошибкой со стороны законодателя не принять такихъ мѣръ, которыя дали бы средство извлечь возможную пользу изъ такихъ существующихъ обычаевъ и наклонностей. Съ другой стороны, будетъ преувеличеніемъ возвести въ необходимыя условія то, что является подмогой и удобствомъ. Люди легче побуждаются дѣлать и легче дѣлаютъ то, къ чему уже привыкли; но они также научаются дѣлать вещи, новыя для нихъ. Привычка большая подмога; но долгое знакомство съ одной идеей можетъ сдѣлать ее привычкой, если она даже была чужда въ началѣ. Есть много примѣровъ, гдѣ цѣлый народъ стремился къ непозвѣданному. Мѣра прирожденной народу способности творить новое, примѣняться къ новымъ обстоятельствамъ, эта сила сама составляетъ одну изъ сторонъ вопроса. Въ этомъ свойствѣ разные народы и различныя степени цивилизаций далеко разнятся другъ отъ друга. О способностяхъ пзвѣстнаго народа исполнить условія данной формы правленія нельзя судить по какой нибудь общей мѣркѣ. Тутъ должно руководствоваться знаніемъ каждого отдельнаго народа и общимъ практическимъ сужденіемъ и проницательностью. Не надо также терять изъ виду еще одного условія. Народъ можетъ быть неприготовленъ къ хорошимъ